

О БРУНО ЯСЕНСКОМ

Воспоминания Ядвиги Секерской

Я познакомилась с Бруно Ясенским в Москве в 1929 г., после того как его изгнали из Франции по обвинению в антиправительственной деятельности ¹.

В Москве его встретили с широким русским гостеприимством — не только как известного польского поэта, но и как отважного борца-коммуниста, завоевавшего широкую популярность на Западе.

Польский поэт, увлекавшийся футуризмом, представитель авангардистской поэзии, после своего революционного «крещения» в Париже, стал близок москвичам. Более того, изгнание его из Франции, избрание им Москвы как постоянного местопребывания были для своего времени политической сенсацией. О нем писала и западная и советская пресса; много говорили о Ясенском и в советских литературных кругах. Он возбуждал всеобщий интерес, был героем дня.

Впервые мы встретились с ним у нас дома, в Москве. Он позвонил моему мужу Станиславу Бобиньскому ². Мы пригласили его к себе. В те годы мы жили в так называемом 1-м Доме Советов (бывшее здание Лоскутной гостиницы, в которой когда-то останавливался Достоевский; сейчас оно уже снесено).

Ясенский пришел днем. Его своеобразная внешность обращала на себя всеобщее внимание: высокий, стройный, с острым шопеновским профилем, глубоко посаженными глазами, густыми темными волосами. Когда он оживлялся во время беседы, его ноздри раздувались, как у породистого коня.

Он был возбужден, остро переживая свое изгнание из Франции. Смесанные чувства испытывал он тогда — революционную гордость и одновременно какую-то неуверенность в своем будущем: сумеет ли он прижиться в Москве, будет ли писать, вернется ли в Польшу?

Визит Ясенского к Бобиньскому имел конкретную цель. Он мечтал создать в Москве польский литературно-общественный орган, который оказывал бы влияние на Польшу. Разумеется, в этом органе должны были участвовать лучшие польские писатели и журналисты. Ясенский знал, что Бобиньский был опытным журналистом и эрудитом. Поэтому-то он и пришел к нам. Быть может, он хотел поближе познакомиться с польскими коммунистами. Он попросил Бобиньского помочь ему в создании журнала, обсуждал с ним его программу, говорил о будущих авторах журнала, о редакционной коллегии, финансовых возможностях и т. д.

Подробностей этой беседы память не сохранила. Но я прекрасно помню ее атмосферу, горячий интерес Ясенского ко всему, что происходило в Польше, к польской литературе, к оставшимся на родине друзьям и кол-

БРУНО ЯСЕНСКИЙ

Фотография, 1934

Центральный государственный архив литературы и искусства, Москва

легам. Он думал о том, каким образом могли бы помочь родине польские интеллигенты-коммунисты, живущие в Москве; как привлечь к сотрудничеству в будущем журнале лучших деятелей Польши. Судьбу нового органа он связывал с обстановкой в польской литературе, с развитием прогрессивной мысли и — более того — с перспективами революции в Польше.

Бобинский скептически относился к возможностям воздействия московской польской «левицы»³ на Варшаву. Если мне память не изменяет, он придерживался иной точки зрения на эту сложную проблему. В существовании Советского Союза, его бурно развивающейся культуры и литературы он видел главный революционный стимул, воздействующий на такого близкого соседа, как Польша. Он, конечно, не отрицал и некоторой положительной роли, которую мог бы сыграть издаваемый в Москве литературный орган польской «левицы», о котором с таким вдохновением говорил тогда Ясенский⁴.

Они говорили не только о журнале. Разговор шел о Париже, Варшаве и Москве. Политические и художественные события в трех столицах целиком занимали тогда Ясенского. Мой муж с удовольствием беседовал на эти темы.

С большим вниманием и интересом прислушивалась я к их разговору. Мое участие в нем было более чем скромным. Я заметила, что между ними установился контакт взаимопонимания. Они говорили словно старые знакомые.

Ясенский умел молниеносно переключаться с одной темы на другую. Он был возбужден, беспокоен, полон мыслей. Его личность, его манеру восприятия я невольно сопоставляла с его творчеством, с которым я была знакома, и с его недавним шумевшим изгнанием из Франции. Это вызывало во мне самые разнообразные чувства. Он казался мне то беспечным, элегантным поэтом-бунтарем, участником литературных споров в парижских кафе, то вдруг становился похожим на итальянских карбонариев, когда касался польских тем и с горечью характеризовал положение на родине. Глаза его загорались, в нем кипели политические страсти. В Ясенском чувствовался то автор футуристической поэмы «Сапог в бутоньерке», то создатель историко-революционной поэмы «Слово о Якубе Шеле». Он менялся во время беседы, как весенняя погода.

Ясенский пробыл у нас целых два часа. Под конец он вдруг как-то сник, загрустил. Потом тепло попрощался с нами. Видимо он остался доволен своим знакомством с Бобинским.

После его ухода я сказала мужу:

— Это настоящий поэт.

Бобинский со свойственной ему иронией заметил:

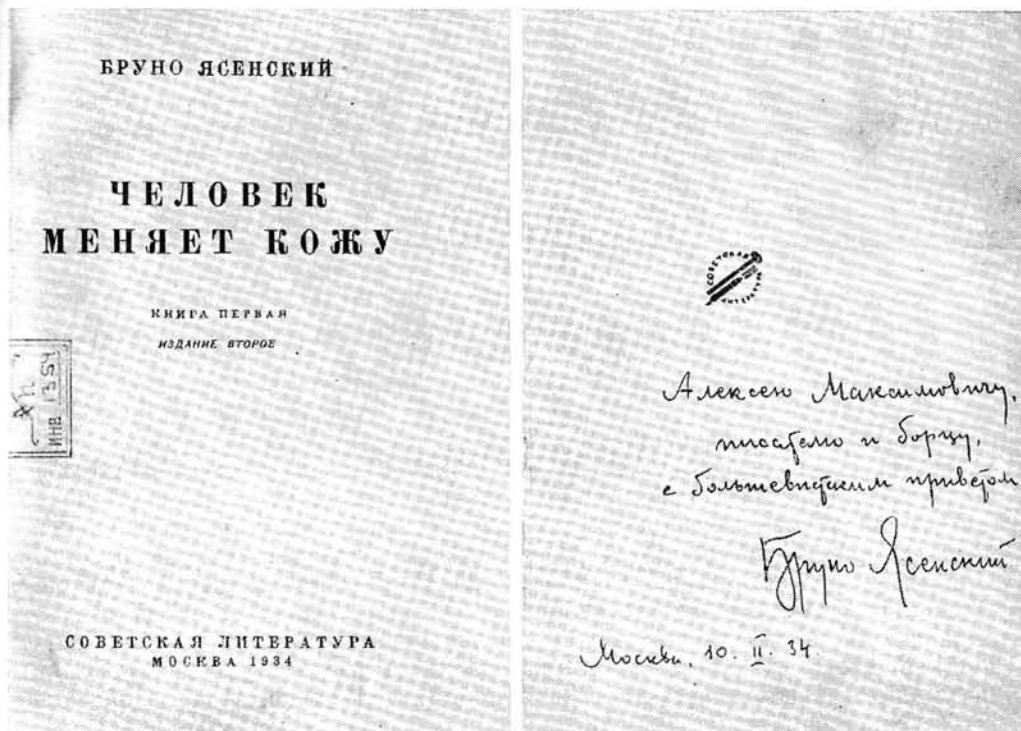
— Тебе понравилась его артистическая шевелюра!

— Не смейся, — отпарировала я. — Разве ты не заметил, что он впечатлителен, как мимоза; настроение его быстро меняется; мысли его молниеносны; он вначале был похож на вулкан, а потом вдруг затих.

— Я вижу, что он произвел на тебя сильное впечатление, — ответил Бобинский. — Это большой талант и яркая индивидуальность. Поэт-футурист, пришедший к коммунизму. Интересно. Увидим, как он проявит себя в Москве. Боюсь, что наши революционные поэты могут оторваться от Польши. Художнику очень тяжело переносить эмиграцию, хотя Москва — это не Париж.

В отношении Ясенского опасения были напрасны. Москва быстро «соблазнила» его. Он нашел здесь понимание, друзей, в нем зарождались творческие планы, темы для новых книг.

После визита Ясенского к нам, я встречала его довольно часто на разных собраниях и литературных дискуссиях в клубе писателей на улице

РОМАН БРУНО ЯСЕНСКОГО «ЧЕЛОВЕК МЕНЯЕТ КОЖУ» (М., 1934)

Экземпляр с дарственной надписью А. М. Горькому:

«Алексею Максимовичу, писателю и борцу, с большевистским приветом. Бруно Ясенский.

Москва. 10. II. 34»

Титульный лист и шмуцтитул

Музей-квартира А. М. Горького, Москва

Воровского. Иногда мы обменивались короткими фразами. Он производил впечатление человека, который здесь, в Москве, начал новую жизнь, врос в нее корнями. Из наших коротких бесед я сделала вывод, что его интересует не только Москва, но и все, что происходит в Советском Союзе; его увлекали жизненные контрасты, бешеный темп и энтузиазм пятилеток. На своей новой родине он пользовался симпатией и признанием, но особенную известность ему создал роман, написанный по-русски — «Человек меняет кожу»⁵. Всеобщее удивление вызвала быстрота, с какой он сумел овладеть русским литературным языком.

Я знаю из бесед с Ясенским, что он живо интересовался творчеством советских писателей, близко принимал к сердцу их успехи и неудачи, даже взаимные размолвки своих новых коллег. Несколько раз мы беседовали с ним о литературной жизни. Ясенский любил рассказывать новые анекдоты из жизни писателей, их забавные и грустные похождения и т. п.

Вскоре после I Съезда советских писателей (1934) мы случайно встретились за чашкой кофе (кажется, в писательском клубе на улице Воровского) и разговорились. Помню, я была очень удивлена тем, что Ясенский лучше меня ориентировался в советской литературе. И не только в литературе — его волновали трудные и захватывающие проблемы советской

культуры, столкновения «нового со старым» в психике людей, многонациональный строй Советского Союза, проблема классового врага — все это затем нашло отражение в его романе «Человек меняет кожу».

Он говорил о незадолго до того «похороненном» РАППе, о его ошибочном лозунге — «союзник или враг», о своем отношении к литературным теориям Фриче и Переверзева (о которых тогда горячо спорили и подвергали критике их концепции) как о делах, кровно его интересующих. Невольно я сравнивала первое появление Ясенского в нашем доме, когда он мысленно еще был в Париже и Варшаве, с этой беседой на советские темы — и не переставала удивляться. Передо мною был советский писатель до мозга костей. Помню, что ему нравилась поэзия Пастернака; с большой симпатией он говорил о Фадееве; глубоко сожалел о преждевременной кончине А. В. Луначарского. Он восхищался его красноречием, эрудицией, необыкновенной культурой. «Такого просвещенного министра просвещения, как Луначарский, в мире еще не было», — сказал он мне с гордостью истинно советского человека.

Эта беседа во многом помогла мне понять Ясенского, его позицию, а может быть даже и его характер. Я задумывалась: ведь это польский поэт, автор прекрасного «Слова о Якубе Шеле». И вот такая метаморфоза через несколько лет — настоящий советский писатель, пишущий уже по-русски. При этом он не порывал с Польшей своих прежних личных контактов. Несколько раз я видела его в обществе Станде, Вандурского. Я его не спрашивала, но знала, что ему по-прежнему были близки судьбы Польши и ее литературы. Видимо, он принадлежал к тому типу людей, которые не умели отдаваться чему-либо наполовину. И раз уже судьба забросила его в «красную Москву», как тогда говорили, он целиком, с головой, окунулся в поток советской жизни, как губка впитывал ее, смотрел на все широко открытыми глазами, увлекался этой необыкновенной жизнью, ее бесконечными преобразованиями и конфликтами. Такое впечатление у меня сложилось от нашей последней встречи. Он еще не раз приходил к Бобинскому, но мне не довелось присутствовать при этих беседах.

Глубоко вращая в советскую действительность Ясенскому помогли также и перемены, которые произошли в его личной жизни. Он вторично женился. Женой его стала советская писательница Анна Берзинь.

Ясенский много путешествовал по Советскому Союзу. В результате появились его новые произведения. Его рассказ «Нос» (опубликованный в «Известиях») ⁶ — жгучая сатира на расизм — получил широкую популярность среди советских читателей.

Несколько лет назад (после посмертной реабилитации Ясенского) я прочитала в советской прессе фрагменты его незавершенного романа «Заговор равнодушных». Это было открытие совершенно незнакомого мне Ясенского.

Мне запомнилась его стройная фигура, я вижу его как будто сегодня, оживленно беседующего в кругу советских товарищей, беспрерывно встряхивающего своей непокорной шевелюрой. Никогда не забуду, как он произнес, между прочим, глубоко знаменательные слова: «Мне кажется, что моих замыслов и тем хватило бы на три жизни. Ночью из-за обилия мыслей меня одолевает бессонница. Столько планов, намерений, проектов...»

Варшава. 12 февраля 1966 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Поводом для высылки Ясенского из Франции послужила публикация в «Humanité» его напумевшего романа «Я жгу Париж» (на русском языке издан в 1929 г.). Вначале, после непродолжительного ареста, он был выслан во Франкфурт-на-Майне, откуда нелегально возвратился во Францию; его снова арестовали и выслали в Бельгию, оттуда он переехал в Германию. Из Берлина Ясенский по приглашению МБРЛ 21 мая 1929 г. приехал в СССР (в Ленинград, а потом в Москву).

² Станислав *Бобиньский* (Bobiński) — известный деятель польского коммунистического движения, активный участник Октябрьской революции. В 1929—1932 гг. — научный сотрудник Комкадемии и директор Политехнического музея в Москве.

³ «Левица» (lewica) — левое крыло партии.

⁴ Идея Ясенского осуществилась лишь частично, когда он после приезда в Москву был назначен главным редактором ежемесячного польского журнала «Kultura Mas», издававшегося на польском языке. В этом журнале Ясенский работал с 1929 по 1931 г.

⁵ «Человек меняет кожу» — одно из популярных произведений советской литературы 1930-х годов. Впервые роман был опубликован в «Новом мире» в 1932—1933 гг. и вслед за тем выдержал несколько отдельных изданий. Последнее издание: Бруно Ясенский. Человек меняет кожу. М., 1966.

⁶ «Известия», 1936, № 36—38 и 41 от 11—14 и 17 февраля.